

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Не Агата Кристи

детектив

Андрей Мансуров

Не Агата Кристи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мансуров А. А.

Не Агата Кристи / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Транспортный корабль, везущий домой с новооткрытой планеты сменную бригаду бурильщиков и группу учёных, терпит катастрофу. Спасшимся угрожает страшная опасность: металл спасательного модуля начинает разрушаться. К счастью, поблизости обнаруживается объект, похожий на другой корабль. И единственный шанс на спасение - добраться туда раньше, чем коррозия съест корпус модуля. Но тут со спасшимися начинаются странные и страшные происшествия. И становится понятно, что спастись удастся не всем...Содержит нецензурную брань.

– Продуктов и воды нам хватит на шестьдесят дней. – в голосе лейтенанта Олега Назарова не было слышно ноток отчаяния, или напряжения, но он понимал, что все люди, сидящие сейчас напротив него в тесной кабине спасательного модуля прекрасно ощущают, что он нервничает. Поскольку и сами наверняка испытывают растерянность, страх и отчаяние, – И кислорода у нас на три месяца. Но проблема не в этом.

Лейтенант замолчал, обедая всех суровым взором из-под кустистых бровей. В тесном пространстве единственной каюты, а, вернее, жилого отсека спасательного модуля, поожем, скорее, на маленький кусок салона древнего самолёта, имелось двенадцать кресел. Располагались они по четыре в ряд, разделённые посередине узким проходом. А всего рядов имелось три. Но сейчас занятыми были лишь десять сидений, так как сам командир стоял. Во время катастрофы ещё трое членов экипажа, приписанных по штатному расписанию к их модулю, просто не успели до него добраться.

Назаров заметил, что, очевидно, лучше всех понимая, что начальство ждёт «наводящих» вопросов, самый опытный член экипажа, трюмный старшина Диего Санчес, решил задать их – глаза старшины расширились, и рот приоткрылся. Да, всё верно – от кого же лейтенанту ожидать поддержки, как не от своих. Профессиональных космонавтов. Поскольку от штатского состава спасшихся с «Дональда Трампа» помощи даже в этом ждать явно не стоило.

Они не пытались помочь и когда происходила эвакуация, и позже никак не помогали работе членов экипажа. И сейчас сидят молча. Ни во что не вмешиваются. И только моргают.

Да, собственно, и как бы они могли помочь?!

Они же – не специалисты по вождению, ремонту, и эксплуатации космических кораблей. Вон они: замерли в напряжённых позах, переглядываются, хмурясь, стискивая челюсти, или грызя губы: пятеро обычных рабочих буровой платформы, сменившихся с полугодичной вахты, да два точно таких же сменных учёных-зоолога, изучавших биосферу чёртова Ареса по программе от какого-то там государственного Университета. Выделившего на это дело очень даже приличный грант. Настолько приличный, что учёные решились на полгода отрешиться от благ цивилизации...

– Вы позволите, командир, сэр? – Санчес, заметив, как командир кивнул ему, опустил руку, и встал сам.

Слова трюмный старшина старался выговаривать чётко. Потому что из-за выбитых в прошлом году в драке в баре Немезиды зубов никак не мог привыкнуть к новой челюсти, и знал, что говорит не всегда разборчиво. Особенно волнуясь. А сейчас он, вероятно, готов был буквально на стену лезть от этого самого, мягко говоря, волнения. Поскольку уже хотя бы примерно представлял, о чём идёт речь:

– Вы уже что-то говорили про позитронную эмиссию. Но к моему великому сожалению я не физик. И не совсем понимаю, что это такое, и чем может нам грозить.

– Да. – Назаров кивнул, секунду помолчав. Он сильно жалел, что штатный командир этого спасательного модуля, первый помощник капитана Дэвид Лэмпард, не успел добраться до спасательного кораблика. А следующим по старшинству был он, по сути, обычный завхоз. А ещё Назаров подумал, что в сорок лет уже можно бы привыкнуть к начальственной должности. И к тому, что на нём всегда лежит ответственность не только за продукты, запчасти и комплектующие, но и за жизни подчинённых.

Но всё никак не привыкалось оно, и в таких вот критических случаях он особо остро ощущал всю степень своей беспомощности, и недостаток образования и практики.

В руководстве.

– Поясню. Как бы это попроще... Нейтринно-позитронная эмиссия – это то, что происходит с железом или сталью, когда их какое-то время облучали мощным излучением соответствующего типа. Например, от нейтринной звезды. Вот только наш модуль облучала не звезда, а вспышка от взрыва «Дональда Трампа». Это новое горючее, конечно, и экономично и эффек-

тивно. Но! При неуправляемом взрыве девяносто процентов энергии оно излучает в виде светового, нейтринного, и позитронного импульса. И он был... э-э... чрезвычайно мощным, хоть и кратковременным. Просто мы находились ещё слишком близко. Реакция началась.

Вот вкратце её суть: под действием как раз такого излучения из атомной решётки железа выбиваются, утрачивая стабильные в обычных условиях связи, атомы этой самой стали. А оставшаяся кристаллическая решётка приобретает... Хм. Словом, она становится похожа на кусок льда, на который с одной его стороны всё время льют кипяток.

То есть – разрыхляется. И разрушается. Реакция эта, хоть и достаточно медленная, но – самоподдерживающаяся. И с помощью имеющихся в нашем распоряжении приборов и средств ни остановить её, ни обратить вспять, невозможно.

И поскольку корпус нашего модуля состоит практически из одной стали, и в кормовой части верхний её слой облучён и уже отслаивается и отваливается, у нас есть примерно десять дней на то, чтоб долететь до какой-нибудь пригодной для нашего обитания планеты... Или хотя бы до корабля, который спас бы нас! Времени нам осталось очень мало. Через каких-то десять-одиннадцать дней воздух из кабины начнёт весьма быстро, капельками и струйками, а потом и Ниагарским водопадом, утекать. Через дырочки, а затем и дырищи того решета, в которое превратится кормовая несущая переборка нашего кораблика!

– И что там с этим, сэр? – это спросил Энди Галопан, двадцатипятилетний парень, младший техник по обслуживанию водопроводной системы транспортного корабля третьего класса, в который переделали после списания из состава Флота гордый когда-то эсминец «Дональд Трамп», – В-смысле, с планетами и кораблями?

– А ничего, капрал. И хотя я думаю, что Бэкхем всё же успел послать СОС, вряд ли кто его услышал. Поскольку сделал он это, скорее всего, уже после выхода нашего корабля из подпространства. И даже если б он успел сделать это ещё в подпространстве, едва ли кто этот СОС поймает и идентифицирует – особенно после вспышки чёртового реактора: широкополосное излучение взрыва забивает весь диапазон частот. А в обычном пространстве радиосигнал будет идти долго. Очень долго. До ближайшей населённой планеты – тринадцать световых лет. До оживлённой трассы – два световых месяца.

Разумеется, выждав час, чтоб с гарантией утихла электронная буря в эфире, мы послали и свой СОС. И посылаем его каждый час.

Но передатчик модуля маломощный. Да и наружную антенну тоже сорвало взрывом. И наш сигнал сейчас транслируют только обрывки кабелей, подводивших сигналы к антенне. И никаких шансов, что нас услышат те, кто находится дальше, чем в паре световых недель, нет. Но даже и туда наш сигнал дойдёт слишком поздно.

Так что рассчитывать приходится только на свои возможности и силы. Но!

Прошу не забывать: мы сейчас – в обычном пространстве. И преобразователей Вайля у нас на модуле, разумеется, нет. Так что всё, что эта посуда может развить – ноль три световой. Что, конечно, тоже неплохо... Будь мы в какой-нибудь галактике, а не между ними.

И нет сейчас в пределах досягаемости ни планетных систем, ни наших кораблей.

Напомню: мы возвращались с Ареса. А этим маршрутом кроме транспортников вроде «Дональда» и частных разведчиков, никто не летает. А полномасштабно разведывать, как и торговать, как и вывозить природные ископаемые, отсюда пока не начали. В связи с отсутствием как туземцев, так и потенциально экономически выгодных месторождений чего бы то ни было. Поэтому следующий корабль в этом направлении вылетит не раньше, чем через полгода. Привезёт смену вашим коллегам, – лейтенант кивнул бурильщикам и учёным, – И даже если мы вылетим на наших ноль трёх к ближайшей оживлённой трассе, прибудем туда в лучшем случае через полгода. А у нас в распоряжении – максимум одиннадцать дней!

– Ну а, спасательных бакенов тут поблизости ещё нигде не устанавливали? – это снова спросил Санчес. Хотя командир был уверен: в свои-то пятьдесят старшина про отсутствие

бакенов знает отлично, и сейчас просто даёт возможность прочувствовать всю безысходность их положения и штатскому составу.

– Нет, старшина. Смысла в них пока нет. И экономически невыгодно. Один такой бакен стоит дороже, чем две таких допотопных посуды, как наш «Дональд».

– Но, может, обломки нашего взорвавшегося корабля кто-нибудь найдёт?

– Вряд ли, старшина. Потому что ранее, чем через полгода, никто нашим маршрутом не полетит. А позитронная эмиссия к этому времени прикончит то небольшое, что от «Дональда» осталось.

– Ну а всё-таки, сэр. Сколько до ближайшей солнечной системы? – это наконец решил вступить в беседу и Анджей Полонски, начальник сменной бригады, и сейчас старший по должности в группе буровиков. Он задавал вопрос вежливо, и сильно подавленным или расстроенным не выглядел. Только что не улыбался. Не без раздражения лейтенант подумал, что, похоже, переоценил он понятливость спасшихся. Не все на модуле имеют достаточно мозгов, чтоб адекватно оценить обстановку. То есть – понять неизбежность скорой мучительной смерти.

Ну, или фаталисты. И верят, что всё, что ни делается – к лучшему.

– До ближайшей системы с планетами семь месяцев полёта. Точнее, это – при скорости ноль три световой. К сожалению, планет, пригодных для жизни людей там, в этой системе, нет. Ну, во-всяком случае, так указано в лоции. А составляли её всего шесть лет назад, когда открыли систему Каппа Медузы. Где и находится наш любимый Арес.

– Значит, ситуация однозначная, сэр? – тон Полонски нисколько не изменился, – Мы все через максимум одиннадцать дней умрём? В муках?

Назаров позволил себе кривовато усмехнуться:

– Нет. На такой случай в аптечке модуля имеются капсулы с цианистым калием. Так что мучений мы, возможно, избежим. Однако желательно к этому моменту всё же найти какие-нибудь... Пути к спасению.

– Но – какие, сэр? Если вокруг – пустота, и нет ни пригодных планет, ни спасательных бакенов... Да и кораблей в ближайшее время не предвидится?

– Вот! Для этого я и созвал это маленькое экстренное совещание, позволив себе разбудить тех, кто спал, или отдыхал. – лейтенант тяжело вздохнул. Но подумал, что деваться всё равно некуда. И что надежды на спасение фактически нет. И помощи ждать неоткуда! И в их ситуации каждый должен знать, что они со штурманом Ксю Хваном обнаружили.

Ведь эта находка – хоть какой-то шанс!

– Мы с младшим лейтенантом Ксю Хваном обнаружили поблизости... Как бы это поточней сформулировать... Нечто, похожее на искусственное небесное тело.

Проще говоря – корабль!

– Да-а?! А что за корабль? Наш?

– Да вот в том-то всё и дело. Вряд ли – наш. Но точно мы не знаем! Поскольку бортовой компьютер нашего спасательного модуля сгорел от ЭМИ при взрыве «Дональда». И посрывало взрывной волной наши видеокамеры наружного обзора. Так что ни обработать изображение, ни идентифицировать его мы не можем. Сказать пока можно только одно. Корабль – или мёртв, или покинут. До него всего восемнадцать световых секунд, и наш сигнал точно – туда доходит, но... Никто не отвечает на наши запросы. И вообще никак не реагирует. И объект и сам ничего не излучает. И летит эта штука явно по инерции. Впрочем, правильней было бы сказать, что она не летит, а дрейфует – относительно окружающих галактик скорость практически нулевая.

– Простите, лейтенант, сэр. – впервые в тоне Полонски прорезалось что-то кроме спокойствия. А именно – сомнение, – А это – точно корабль?

– Вероятность этого не менее девяноста пяти процентов. Спектрометр показывает почти чистое железо. Метеоритов или астероидов с таким составом не бывает. Правда, он очень велик. Не менее четырёхсот пятидесяти тысяч тонн. Это почти в сто раз больше, чем было

водоизмещение даже «Дональда Трампа». Не говоря уж о нашей скорлупке на сто двадцать тонн. И – главное! – это единственное небесное тело, имеющееся в пределах наших сегодняшних возможностей. И если он, как и большинство привычных кораблей, построен из стандартных блоков или секций, мы, вероятно, сможем внутри разместиться!

То есть – для нас в данном случае было бы проще и лучше, если б корабль и правда – был давно покинут. Потому что тогда мы, ни у кого не спрашивая, смогли бы оборудовать там для себя какие-то временные помещения, и перетащить туда все свои запасы! Поскольку предотвратить разрушение нашего модуля мы не в состоянии.

В этом случае наши шансы на спасение существенно повысились бы. Поскольку мы смогли бы, соорудив какую-нибудь временную антенну, и регулярно посылая свой СОС, относительно спокойно ждать спасателей. Уже будучи уверенными, что не умрём от разгерметизации. И что наш новый сигнал уж точно – дошёл.

И ждать мы смогли бы гораздо дольше, даже только с нашими бортовыми запасами: месяца три. Спасательный модуль как раз для таких случаев и оснащён. А если б на обнаруженном корабле нашлись и запасы кислорода и воды – так и вообще: мы продержались бы ещё несколько месяцев! Или даже лет, если б нашлась и возможность добыть электрическую энергию.

Другое дело, если там есть хозяева. Тогда нас могут просто к себе не подпустить. Или не впустить. Чего не хотелось бы.

– Позвольте спросить ещё, сэр. – Назаров кивнул, и Полонски продолжил, – Вы уже видели, как выглядит этот корабль?

– Нет, Анджей. Он пока слишком далеко. Виден, как простая точка в пространстве. Его, если честно, засёк портативный детектор метеоритов. – Назаров с любовью оглянулся на рубку, где под его командирским креслом и покоился названный прибор, – А бортовой анализатор показал, что состоит обнаруженный объект как раз из железа. Мы сейчас летим к нему со всем возможным для наших движков ускорением. Полтора «жэ». Пользуемся, так сказать, тем, что до внутренней поверхности сопел движков позитронная коррозия ещё не добралась. И примерно через восемь часов нам нужно будет сделать разворот, чтоб тормозить эффективно: маршевыми двигателями.

Так что через какой-то двадцать один час мы этот объект увидим. Разумеется, развернувшись снова передом. Потому что, напоминая, взрывом нам сорвало и все наружные обзорные камеры. И «изучать» всё нам теперь придётся только визуально. Даже без зума. Через носовой иллюминатор, – лейтенант кивнул себе за спину, где за переборкой с открытой сейчас дверью, в узком, но развёрнутом на всю носовую часть модуля панорамном бронированном стекле, виднелось несколько дохленьких тусклых звёздочек: при аварии «Дональд Трамп» вынырнул из подпространства в промежутке между галактиками. И с этими самыми звёздами дело здесь явно обстояло туговато.

– Ясно, сэр. И что мы сейчас будем делать?

– А ничего. Так как до того, как мы увидим сам корабль, и поймём, сможем ли мы как-то использовать его, заняться нам абсолютно нечем. Поскольку все запасы и оборудование модуля проверялось и подзаряжалось всего неделю назад, перед стартом с Ареса, чинить или доделывать *здесь и сейчас* нам ничего не надо. Просто мы с членами экипажа посчитали, что нужно, чтоб вы все были в курсе наших возможностей. И действий. И настроились на то, что нам всем вскоре может предстоять работа. Тяжёлая и кропотливая. По переоборудованию чужака под наши цели. Портативные сварочные агрегаты, резак, конвертер, трубы, автоматическая система рекуперации воздуха, и прочие нужные автоматы, комплектующие и инструменты, у нас есть.

– Понятно, сэр. – Полонски дёрнул щекой, – Насчёт переоборудования вот только... А вдруг корабль окажется *настолько* чужим, что оно окажется невозможным?

– Не думаю. Кем бы ни были те, кто его построил, тот факт, что они применяли сталь или железо, сильно ограничивает возможные конструктивные решения. И наверняка он спроектирован в соответствии с основными принципами, общими для всех устройств из этого материала. И требованиям к безопасному проживанию там живых существ.

То есть – небольшие (Ну, сравнительно!) отдельные помещения, и обязательные несущие переборки для придания прочности, должны иметься и там. А раз так, мы можем постараться найти хотя бы несколько помещений, не слишком сильно пострадавших от времени, и возможной катастрофы. Изолировать эти помещения от остального, явно немаленького, пространства чужого корабля. И оборудовать там с помощью наших приборов и устройств по возможности удобное временное жильё. Ещё вопросы?

Теперь руку поднял Гуннар Расмуссен, угрюмого вида швед с окладистой бородой. (Которую он, по слухам, сбрасывал только когда оказывался дома – в родном Кунбергене. Такая вот «примета».) Тон шестидесятилетнего ветерана был откровенно ироничным:

– Насколько я понял, дела у нас – швах. Оказались мы в настоящей космической заднице. Проще говоря – ...опе! Дыре. И сейчас чешем, поджав хвост, и надеясь на чудо, к первому попавшемуся куску железа, который весит в сто раз больше, чем эсминец Флота. И *вероятно* является потерпевшим крушение кораблём. Но даже если и так! Кто сказал, что он потерпел крушение?! И если и не отвечает на сигналы, и не включает движки, так, может, просто от того, что не считает нужным? И его экипаж вовсе не будет рад, если мы подлетим, причалим, нагло влезем, и начнём орудовать в его помещениях?!

– Разумеется, Гуннар, всё может оказаться и так. Но вы верно подметили. Нам просто некуда деваться. И если мы хотим выжить, то должны хотя бы *постараться* сделать то, что мы и собираемся сделать! И попробовать договориться с чужаками. – Назаров старался отвечать спокойно и рассудительно, но видел, что бурильщик с сорокалетним стажем всё так же хмурится, – Всё-таки оказание помощи терпящим бедствие – прямой долг любых разумных существ! Или...

Вас что-то ещё беспокоит? – Назаров видел, как сопит пожилой швед, и раздуваются его ноздри, – Так спрашивайте!

– Беспокоит... Ха!.. Беспокоить-то оно беспокоит... Только вот вряд ли вы сможете на это ответить. Кажется мне – вот такая у меня вредная и подозрительная натура! – что неспроста взорвался наш «Дональд Трамп»! Причём – именно здесь, в месте, где вокруг на десятки парсеков – пустота! Посудина-то наша повидала, как говорится, виды, а уж про реактор *военного* корабля и говорить нечего! *Никогда* он сам не взорвался бы ни с того, ни с сего! Там же – сотня систем для подстраховки и сигнализации!

Ветеран замолчал, отдуваясь, но Назаров решил прояснить ситуацию до конца:

– У вас только подозрения... Или вы имеете в виду что-то конкретное, Гуннар?

– Да, если уж на то пошло, сэр, имею! Конкретное. Хоть и выглядит, как параноидальный бред. Ну, или шиза. Я... – Гуннар сглотнул, затем моргнул. Прищурился, – Слышал голоса. Тут. – теперь седовласый ветеран постучал себя скрюченным указательным пальцем по виску, – И один из голосов приказывал выдвинуть из активной зоны защитные стержни. А другой – это был находящийся тогда на вахте в реакторном отсеке Ларс Паульссон! – отказывался, орал, матерился. Потом – выл. И плакал. И наконец вынужден был уступить... Похоже, ему кто-то сделал *очень* больно!

Вот я и думаю: или я – псих...

Или там, на этом чёртовом куске железа, к которому мы летим, сидит какая-то тварь, которая может посылать команды людям прямо в мозг!

И это она взорвала на самом деле нашего «Дональда»! Пусть и руками Ларса!

– Хм-м... Интересная теория. Тварь, говорите? С телепатическими способностями? Приказала взорвать. Но для чего бы ей это было нужно?

– А для того, лейтенант, чтоб воспользоваться вот этим! – Гуннар поднял кверху заскорузные большие ладони в синих прожилках, – Потому что она, похоже, не может что-то механическое делать сама! И ей для этого нужны рабочие. Нет, не так! Рабы!

– Но почему же она тогда раньше не делала ничего такого? В-смысле, не трогала пролетавшие мимо корабли?!

– А это просто, командир. Вы же сами сказали: здесь никто не летает.

– Хм... Да. Но для чего ей могли понадобиться... рабы? Обладающие... руками?

– А вот тут я знаю не больше вашего, молодой человек. Хотя догадаться нетрудно. Она хочет свалить отсюда к ... матери! Потому что уж слишком похоже это место на самую банальную... Тюрьму!

– Интересная теория. – Назаров вынужден был, повторив, прикусить губу, и приложить максимум усилий, чтоб не...

Рассмеяться!

Надо же! Космическая паранойя зацепила и всегда трезвомыслящего и прагматичного ветерана! Циника и реалиста до мозга костей. И вот он несёт заведомый бред! Если б всё обстояло не столь трагично, можно было бы действительно – посмеяться. Но сейчас...

Сейчас это может создать им проблемы. Особенно, если Гуннар начнёт упорствовать, или протестовать против того, чтоб они летели к чужому кораблю... Может, изолировать его? (Вот только где?!) Или хотя бы... Усыпить? Снотворное в аптечке, вроде, есть? Но пока что нужно мысль докончить:

– Но пока, к счастью, не доказанная.

– Ага. Пока. И если вы сейчас, лейтенант, думаете, что у меня космическая паранойя, вы не так уж далеки от истины. И мне сейчас не просто страшно, а *чертовски* страшно! – по расширенным зрачкам, дрожащим рукам и учащённому дыханию Назаров видел, что пожилой швед не лжёт, – И я сам, добровольно, предлагаю вам дать мне снотворного. Да побольше! И знаете почему?

Потому что даже сейчас слышу я там, – Гуннар вновь постучал себе по виску пальцем, – Шёпот, который не утихает... И хоть сейчас он и не говорит понятных мне слов, и не отдаёт приказов, а просто бубнит, как бы беседа сам с собой...

От этого мне ничуть не менее страшно!

– Хм-м... Странно. Впрочем, катастрофа, стресс от неё, и тесное пространство нашего модуля могут стимулировать... воображение, и вызывать ещё и не такие галлюцинации. В истории космоплавания такие случаи не редкость. Внимание, экипаж и господа рабочие и учёные. Кто-нибудь слышит... Нечто подобное? – лейтенант обвёл настороженным взором всех присутствующих.

Все дружно покачали головами.

Ну, слава Богу! Галлюцинации посетили только старика. Похоже, на почве, вот именно, нервного перенапряжения. Из-за аварии. И безысходности – потому что люди не дураки, и за последние несколько часов успели просечь, что шансов у них в этой космической «дыре» и правда – ноль целых хрен десятых.

Назаров сказал:

– Я рад, что больше никто не... пострадал. И вот ещё что.

Пожалуй, вы правы, Гуннар. Сон вам, да и всем остальным, не повредит. Расслабиться и отойти от стресса он всегда помогает лучше, чем любые лекарства. И слова.

И поскольку заняться нам всем, в-принципе, пока нечем, предлагаю и всем не занятым на вахте лечь досыпать! До полной остановки модуля у чужого корабля, чем бы он ни оказался, у нас почти двадцать часов. Будем, следовательно, отдыхать и набираться сил.

Вопросы?

Вопрос нашёлся у Петра Моммсена, молодого, всего двадцатисемилетнего, бурильщика:

– Сэр... Я вот по поводу гальюна. Мы его сможем перетащить на чужой корабль, или... Придётся здесь оставить? А то он – как раз в кормовой части!

Назаров подумал, что вот так и выясняется, у кого какие в жизни приоритеты.

Да, Моммсен проводил в туалете больше всех времени. И неизвестно, чем он там на самом деле занимается. Может, конечно, ещё на «Дональде» съел чего не надо. Или от стресса у него развилась «медвежья болезнь». Ну, или просто человек уходит туда уединиться. Чтоб, например, заняться самоудовлетворением с помощью руки...

Неважно. Вопрос актуальный:

– Да, гальюн в кормовой части модуля. И от двигательного отсека его отделяет лишь тонкая переборка. И сохранить его на модуле – не удастся. Поскольку и сам модуль будет неизбежно полностью изъеден эмиссией и коррозией. Поэтому, вероятно, первое, чем мы займёмся, проведя разведку, и выбрав подходящее место в корпусе чужого корабля – как раз переоборудованием какого-либо неповреждённого помещения под жильё. Куда перенесём и туалет. Ну, и, разумеется, займёмся переносом в другие целые или отремонтированные помещения чужака всех наших запасов, инструментов, и оборудования.

Ещё вопросы?

Больше вопросов не нашлось, и Назаров не без облегчения объявил:

– В таком случае, прошу вас продолжить прерванный сон. Гуннар. Подойдите ко мне, я сейчас достану вам из аптечки снотворное. Может, ещё кому-то нужно?

Нужно оказалось и обоим учёным, так за всё время совещания не сказавшим ни слова. (Вероятно, потому, что они оба были специалистами узкого профиля – ксенозоологи! И ничего не понимали в астронавигации, ремонте, и прочих технических вопросах.) Но без проблем заснуть пожелавшим.

После того, как все добровольцы проглотили свои капсулы, (А Гуннар – сразу две!) запив скупыми глоточками воды из общего титана, Назаров пожелал всем спокойной ночи, и они с Хваном удалились к себе в рубку, прикрыв за собой дверь.

Биолог доктор Джонотан Хейдигер, всё время разговора державший за руку своего коллегу, доктора Эрика Валкеса, сейчас, проглотив капсулу, и снова усевшись в кресло рядом с ним, доверительно наклонился к его уху:

– Может, если командир прав, и тот корабль действительно настолько большой, нам удастся наконец получить и персональную каюту?

Эрик, который хоть и был на год младше, и на три дюйма ниже, но играл в их тандеме доминирующую роль, покачал головой. Ответил тоже вполголоса:

– Знаешь, мой дорогой, до этого ещё дожить надо. Не будем торопить события.

– Ах вот так?! – Джонотан не мог не нахмурить брови, тон стал сердитым, – Ты, похоже, только рад, что мы сейчас – ничего не можем? Или... А-а, вот оно как! Я понял. Я же видел, свинья ты похотливая, как ты посматривал на этого чёртова Томера?! Ну погоди – вот останемся наедине – я тебе всю морду твою противную расцарапаю!

– Что за бред! – Эрик, привыкший относиться к угрозам своего коллеги и приятеля серьёзно, вынужден был тем не менее перейти вообще на шёпот, – Тебя, похоже, тоже слегка того!.. Повредило! Стрессом. Несёшь чушь ещё похлеще Гуннара!

– А-а, так я, по-твоему, приход словил?! Ну точно. – в ответном шёпоте Джонотана явственно проступала теперь истерика и обида, – Я всё понял. Я просто надоел тебе. Ты хотел как можно скорее вернуться на Землю, чтоб послать меня куда подальше, а себе найти кого помоложе! И посимпатичней! И ты, конечно, жутко зол, что теперь этот момент откладывается! Вот и хочешь найти любой предлог, чтоб поругаться со мной, порвать наши отношения, и свалить!

Хотя бы к этому вонючему качку!

– Идиот! Никуда я «свалить» не хочу! И вообще – хватит пристёбываться! На нас уже оглядываются. – и точно, Гуннар, сидевший в кресле по другую сторону прохода, сердито зыркнул на зоологов, и даже сидящий рядом с ним, и как всегда молчавший Пьер Огюстен, покосился в их сторону и вздохнул, – Останемся наедине – тогда и выскажешь свои «Фи!» И получишь за них! Всё, что причитается глупому и непослушному мальчику!..

– Ах! Жду не дожусь! – Джонотан сжал, так, что даже костяшки побелели, кисть Эрика, – Мечтаю об этом! А то из-за этой идиотской аварии – никакой личной жизни!

– Да уж... – понять по тону Эрика радуется ли он предстоящей «встрече», или сердится, было абсолютно невозможно. Научился он ставить Хейдигера в тупик, – Никакой. Ладно, подождём, посмотрим. А пока – хватить ворчать. Давай укладываться.

– Я бы с удовольствием. Да не успел из-за тебя, паршивца занудного, в галюн сходить. Теперь так и так придётся ждать, когда скотина Моммсен вытащит оттуда свой тощий зад. Никак, опять пошёл ублажать своего одинокого друга...

На это Эрик только фыркнул, опустив спинку кресла, и подтыкая под спину плед.

– Ну так ты не забудь. Когда прилетим и обустроимся. Ты обещал!..

Тут наконец к ним обернулся предмет их раздора, делящий переднюю пару кресел как раз с вышеназванным Моммсенем, тридцатилетний бурильщик Томер Франкель, с фигурой атлета и пристрастием к качанию железа в спортзалах, и битью морд в барах всех планет Содружества. И посмотрел долгим и пристальным взглядом на обеих. Эрику пришло в голову, что он свободно мог расслышать их разговор несмотря на жужжание систем климатизатора и басовитое гудение маршевых двигателей.

Томер ничего не сказал, но оба учёных как-то сразу утратили желание продолжать пререкания.

Когда исполняющий обязанности командира модуля старший лейтенант Олег Назаров и помощник штурмана младший лейтенант Ксю Хван, закрыв за собой дверь командирского отсека, опустили в кресла пилота и штурмана, хитрые щёлочки морщинистых глаз сорокавосьмилетнего китайца обратились к командиру:

– Неплохо прошло, а, сэр?

– Ну, в принципе, да. Могло быть гораздо хуже.

– Оно и верно. Похоже, главных наших проблем пока никто не осознаёт. Но если то, что сказал Гуннар хотя бы на вот столько, – помощник штурмана показал кончик ногтя, – правда, то мы – в глубокой, как говорят русские, ...опе!

– Мы в ней и так, Ксю. – Назаров криво усмехнулся, – потому что то, что сказал чёртов Гуннар – слишком похоже на правду. И если даже кроме него этих «голосов» никто не слышал, и не услышит, это вовсе не значит, что на чужаке и правда – никого нет живого! Да ещё и враждебного.

Потому что в одном этот старик стопроцентно прав.

Похоже это «уединённое место» на точку для принудительной изоляции!

– То есть, вы, сэр, хотите сказать, что вы тоже?..

– Нет, конечно, лейтенант. – обращаясь к товарищу по званию, и глядя на него посерьёзневшими глазами, переставший улыбаться Олег как бы хотел сказать, что он всё-таки сохраняет трезвость мышления и реалистично оценивает ситуацию, – Я так не думаю. Тюрьмы обычно стараются устроить там, где можно выгодно использовать дармовой труд заключённых. То есть – на планетах или астероидах с каким-нибудь сырьём... Чтоб и осуждённые не скучали, и бизнес шёл своим чередом. Всё должно приносить выгоду! Основной экономический Закон Содружества. Ну а про приоритеты чужих рас...

Ничего сказать не могу.

Что же до того, что бедолага Гуннар якобы «услышал»...

Сейчас, когда мы только вдвоём, я могу смело сказать: в такую чушь, как телепатия, я просто не верю.

Человечество семьсот лет как вышло в космос, и триста лет как мы летаем в соседние галактики – спасибо Вайлю. Но ещё ни разу нам не встречалась раса, умеющая читать мысли другой, чуждой, расы. Да что там – чуждой! Хотя бы – своей!..

Зато всегда возникали проблемы при программировании чёртовых портативных автопереводчиков. А представьте, насколько было бы всё проще, если и переводить бы ничего не надо было: непосредственно, без слов, а только понятия: так сказать, из мозга, – Олег повторил жест бурильщика, постучав согнутым пальцем по виску, – в мозг!

– Согласен. Это позволило бы избежать кучи проблем. Я хоть сам и не застал, но отлично помню конфликты на Рашпере. Когда слово «таньген» ошибочно перевели как «недостаточная цена». А оно на самом деле значило – «священный». Вот и перестреляли несколько десятков первобытно-общинных аборигенов, которые остервенело защищали расхищение склада с тем, что наши приняли за еду...

– Всё верно. Последствия, насколько помню, пришлось расхлёбывать десять лет... Но здесь, как мне кажется, проблем с «населением» корабля не будет. Я специально не стал говорить, но вы-то знаете. Что анализатор выдал и предполагаемый возраст чужой посуды. Сто восемьдесят лет. За такое время она уж точно могла прибыть в порт приписки. Или, там, в пункт назначения, где бы они ни находились. И даже если бы они потерпели крушение, выжившие могли бы за такое-то время – восстановить корабль. Или хотя бы послать тот же СОС. И их непременно отбуксировали бы до ближайшей базы. Четыреста с лишним тысяч тонн железа, да ещё и выведенные в космос, не должны просто так пропадать без дела! Это уж слишком...

Расточительно!

Значит, скорее всего, нет там никого живого.

– Звучит логично. И поскольку мы с вами, лейтенант, не верим, что какое бы то ни было живое существо может протянуть почти двести лет, можно считать предположения Гуннара действительно – старческим маразмом. Или, что куда вероятней, космической паранойей. Вызванной, вот именно, сильным стрессом.

Ну что, попробуем тоже поспать?

– Попробуем, Ксю. Тем более, что автопилот у нас, к счастью, тоже портативный. – Назаров скосил глаза на стоящий между ними здоровенный чемодан, – Защищён тройным кожухом. Поэтому и не сгорел. В отличие от центрального компьютера модуля.

– Ну, тут уж, как говорится, без вариантов, сэр. Кто мог предполагать, что реактор, вот именно – армейский, то есть – с пятикратной защитой, вдруг взорвётся! Это так же вероятно, как и встреча в космосе с Микки Маусом... С другой стороны – ставить на компьютерный блок модуля свинцовый экран – лишние полторы тонны. Нереально. Но...

Если честно, командир, даже если б центральный компьютер не сгорел, вряд ли это нам хоть что-то дало.

– Почему вы так думаете, Ксю?

– Да потому, что не встречалось нам ещё в космосе кораблей массивней тридцати тысяч тонн. Их, насколько я помню выкладки наших чёртовых экономистов, попросту невыгодно строить и эксплуатировать. Слишком много энергии уходит на разгон и торможение, и слишком сложными и толстыми должны быть несущие конструкции. Или броня. Много *лишнего* веса. Так что вряд ли та штука, к которой мы летим – корабль. Скорее уж – стационарная космическая Станция. Но – не орбитальная, а именно – для работы в абсолютно открытом космосе.

Так сказать, уединённо и *очень* отдалённо. – Ксю печально вздохнул.

– То есть? – Назаров уже и сам догадался, к чему помощник штурмана клонит, но хотел услышать это именно из его уст.

– То есть, лейтенант, – Ксю тоже употребил звание, ещё и посмотрев на командира долгим взором, – скорее всего это – лаборатория. Секретная. Для разработки оружия. Жутко опасного, и смертоносного. И поскольку она уже двести лет как дрейфует в пучинах, как выразился наш старший товарищ, «дыры», сильно мы рискуем. Нарваться.

Назаров раздумчиво покивал:

– Согласен. И поскольку эта мысль кажется наиболее вероятной и мне, будем исходить в первую очередь именно из опасности заражения. Потому что, как известно – самое дешёвое, простое, и летальное оружие против любых живых существ – биологическое. А самые живучие и стойкие живые организмы – бактерии, бациллы и вирусы. И для них пережить двести лет, пусть и при абсолютном нуле и в вакууме – раз плюнуть.

– Так – что? Может, когда прилетим и осмотрим – подключим для анализа внутренностей Станции наших любимых учёных? Биологи всё-таки?

– Там видно будет, Ксю. Да и вообще – чего зря суетиться? Может, это всё-таки исключительно большой астероид. Металлический.

– Вы и сами в это не верите, Олег.

– Верно. Мы с вами перестали верить в чудеса и сказки ещё до того, как пошли в школу. Потому что мечтатели и романтики не проходят отбор на профессиональных космонавтов... Так что просто попробуйте пока поспать, а я подежурю первые восемь часов.

– Спасибо, командир. Попробую. Только придётся и мне слопать две капсулы снотворного. А то возбуждилось что-то излишне сильно...

Моё воображение.

Двадцать два часа полёта и финального маневрирования прошли благополучно.

За это время все успели дважды пообедать, и дважды поспать. Поскольку особых развлечений на борту модуля, конструктивно представлявшего собой по сути почти точную копию древних шаттлов, с голыми стальными стенами, и стандартными самолётными сиденьями, не имелось. Как не имелось в пассажирском, верхнем, сегменте цилиндра, и иллюминаторов: проектировщики не без оснований посчитали, что незачем ослаблять прочность корпуса. Равно как и нервировать взгляды выживших видами пучин негостеприимного космоса.

Зато всё необходимое для собственно выживания как раз имелось: в нижнем, грузовом, отсеке, под полом салона для спасшихся. Большие запасы кислорода, воды, пищи, топлива для манёвров. И ещё НЗ различных приборов и средств для выживания в любых условиях. И мощные аккумуляторы. Портативные и стационарные.

И поскольку силу тяжести на их крошечной посудине создавала только тяга маршевых двигателей, сейчас внутри модуля царила невесомость. Что позволяло всем одиннадцати спасшимся без проблем разместиться в крошечной рубке, буквально плавая в воздухе, рядом друг с другом. И рассматривать без помех оказавшуюся перед носовым иллюминатором модуля странную конструкцию.

Вернее – почти без помех, поскольку иногда мягкие рывки подруливающей системы автопилота, стабилизировавшего положение модуля, заставляли людей хвататься друг за друга и поручни, имевшиеся внутри рубки, чтоб не падать на потолок или стены.

Рассматривать было интересно.

Имевшаяся перед их взорами космическая Станция больше всего походила на взорванное изнутри соцветие одуванчика, не успевшее разлететься до конца, и в таком положении кем-то зафиксированное, словно кадр, или декорация из фантастического фильма.

Разбросанные во все стороны от центра отдельные крупные части удерживались лишь на тоненьких связях: переходных коридорах.

Конструкция была огромна: на добрых три километра влево, вправо, вниз, вверх, и в глубину пространства уходили небольшие, как казалось отсюда, с расстояния десяти километров,

шары, из потускневшего металла. А потускнел и стал матовым он явно от долгой «обработки» свободными электронами, молекулярным водородом, и космическим излучением, и какими-то ещё частицами, и межгалактическим мусором. И ещё странное ощущение нереальности происходящего возникало от того, что в свете носового прожектора модуля искорками поблёскивали иллюминаторы в трубочках непропорционально малой толщины. И довольно много их, этих иллюминаторов, имелось в соединявших шары, когда-то круглых и прямых, а сейчас скрюченных и изогнутых наподобии спятивших змей, погнутых и перекореженных длинных цилиндрах переходных тоннелей-коридоров.

Собственно, вернее было бы сказать, что это раньше более крупные конструкции были шарами. А сейчас даже отсюда отлично было видно, что некоторые сферы, особенно из тех, что располагались ближе к центру, сплющены почти в лепёшки – словно по ним ударила чудовищная кувалда. А в других имеются громадные дыры-проломы, и обломки корпуса торчат наружу: так, словно они наоборот – взорвались изнутри. А от тоннелей-переходников ко многим шарам оставались подсоединены лишь жалкие их обрывки – всё остальное, похоже, было унесено прочь чудовищным взрывом. Или – взрывами.

Глядя на весь этот хаос, не верилось, что внутри могло сохраниться хоть что-то живое...

Или хотя бы – целое.

Назаров сказал:

– Это – несомненно величайшее открытие для человечества. Нет, мы, конечно, встречали другие расы, но ни одна из них к моменту нашего знакомства не освоила космонавтики. А чтоб вот так, чисто случайно, впервые за восемь веков встретить равных, или даже превосходящих нас по уровню технологии... Жаль, что мы в столь бедственном положении. И не можем изучить тут всё, как положено.

– Простите, сэр, как мне представляется, *изучить* тут – на годы хватит и специализированной экспедиции. Но ведь чужак – погиб?

– Похоже на то, Энди. И вон там, ближе к центру, раньше имелся какой-то главный, крупный, блок. Вероятно, энергопитающий. – он указал туда пальцем, – Или для руководства всем этим безобразиям. И сейчас всё выглядит так, словно это он и взорвался. Разлетевшись на кусочки не крупнее конфетти. И повредив всё, что располагалось в непосредственной близости. А вся остальная конструкция не распалась на куски и фрагментики, и не разлетелась по всему космосу только потому, что удержались соединительные тоннели на дальнем периметре. – он снова показал рукой, проведя по всей немаленькой окружности покорёженного и деформированного «одуванчика».

– Да, командир, похоже на это. – теперь рукой указал Диего Санчес, – А не разлетелись те, которым перебило эти самые тоннели, только потому, что сами шары между собой соединяли ещё и страховочные тросы. Сверхпрочные, надо полагать. Вон они! Выглядят как белые ниточки – спасибо нашему прожектору, высветил их. И взрывной волной эти тросы не перебило только потому, что рассеялась она в вакууме! Так что что бы это ни было за сооружение, живучесть у него – будь здоров!

– Ответ отрицательный. – это с невозмутимым выражением лица возразил снова Энди Галопан, – Командир сказал, что этой штуке почти двести лет. И если б тут кто-то выжил, они бы свою машину починили. Ну, или их боссы её хотя бы утилизировали. Металл же! Да ещё выведенный в космос! Деньги! И, судя по масштабу – огромные!

– Следовательно, – Назаров, не без удовлетворения констатировавший, что почти все здравомыслящие космонавты рассуждают примерно одинаково, и сам старался говорить спокойно и раздумчиво, – хозяева этой странной Станции погибли и сами. Или по каким-то, пока непонятным нам, причинам не захотели «утилизировать» её.

– Ну ясное дело. «Не захотели!..» Скажите лучше – побоялись, сэр! – это снова высказался Санчес, – Только совсем уж идиот не поймёт, что это – специализированная научно-

исследовательская Станция. С независимыми, и легко отсоединяемыми, или блокируемыми от остальных помещений, секциями-отсеками. То есть – вон теми всеми сферами. Идеальный вариант для надёжной изоляции при аварии. Или утечке. В отдельных лабораториях. А что можно создавать на такой Станции?

Вот именно! Только бактериологическое оружие! Ну, или генетическое. Избирательно действующее на «низшие» расы. Или неугодные нации.

– Похоже на правду, старшина. И вариантов у нас, собственно, не так много. Потому что раз не «утилизировали» столь большое количество металла, значит, или, вот именно – погибли все его «хозяева», причём как раз от результатов воздействия того, что здесь понарабатывали... Или сами же и взорвали всю эту штуковину. Во избежание.

Ну, или это сделали их противники. Уже – из мести.

– Да, похоже, что так, командир, сэр. – это высказался штурман, – И поскольку эта, как вы выразились, «штука» летит, пусть и очень медленно, вон оттуда – вон туда, можно предположить, что её как раз в пучины пустого пространства и направили именно для этого. Во избежание, так сказать, соблазна. И попыток воспользоваться ещё раз. Тем, что они тут разработали.

– Это не радует. – голос лейтенанта не дрожал, но сам он спокойным себя не чувствовал. Как тут быть спокойным, если подтвердились самые худшие подозрения? – Поскольку, какое из помещений там мы не захотели бы обследовать, риск подцепить чрезвычайно смертоносную заразу очень велик.

Но и отсидеться на модуле не удастся!

Следовательно: нам срочно нужно решить, где мы будем «парковаться». А затем – и базироваться.

То есть – определить, в каком из этих шаров меньше вероятность наткнуться на лаборатории по синтезу и производству биозаразы. Потому что не может такого быть, чтоб вот прямо во всех производили бактериологическое оружие. Или генетическое. Должны быть и так называемые технические блоки. С реактором, аппаратурой для производства пищи, рекуперации воздуха, хранения запасов воды, аккумуляторов, и так далее.

– Разрешите, командир, сэр? – это на Олега взглянул как ни странно, Эрик Валкес.

– Да, доктор Валкес.

– Мне кажется, (Ну, как специалисту, весьма близко связанному как раз с биологией!) что таких узкоспециализированных, так сказать, хозяйственных, секций, там, на Станции, может и не быть вовсе. Потому что наверняка предусматривалась возможность – что является стандартным требованием для такого рода сооружений! – длительной изоляции каждой из таких секций-сфер. И, соответственно, их полной автономии. Поэтому и аккумуляторы с аварийным запасом энергии, и запасы пищи, воды и воздуха, должны иметься во всех этих шарах! Только в этом случае персонал такой секции-сферы имел бы возможность отсидеться, или продолжить работу, или постараться самостоятельно устранить последствия, если...

Что-либо выходило из-под контроля!

– Вот уж точно! – тон Энди Галопана был весьма категоричен, – Вряд ли кто захотел бы сунуться к придуркам, у которых из пробирок сбежала пара сотен миллиардов смертоноснейших бацилл! Я скорее поверю, что такие секции-шары местные начальники просто... Дистанционно разгерметизировали бы, да и «продезинфицировали», принудительно впустив внутрь любимый вакуум!

– И вряд ли это помогло бы. – это снова высказался Эрик Валкес, покачавший головой, – Ещё восемьсот лет назад примитивной тогда земной науке были известны супер-устойчивые штаммы простейших, прекрасно выживавших и в вакууме, и в холоде космического пространства. И квартировавшие, кстати, и даже плодившиеся, на наружной поверхности тогдашних орбитальных станций!

– Хм-м... Я не настаиваю на своей версии. – Галопан дёрнул плечом, – Тем более, что она уж слишком... Кровожадная! И подлая.

– Ну, слишком, или не слишком – это смотря на чей вкус. Может, местных учёных держали в узде с помощью каких-нибудь других рычагов. Не обязательно – страха. А, скорее всего, всё было как обычно: огромные зарплаты, ранняя пенсия, шикарный коттедж для проживания всей семьи... Ну и так далее. Всё, что угодно, в обмен на особое рвение при создании универсальных крошечных убийц!

– Вы правы, штурман. Рычагов и стимулов воздействия много. Но в их действенности сомневаться не приходится: вон, шаров-секций не менее двухсот по самому скромному подсчёту. И наверняка в каждом работали и жили люди. Много людей. Потому что кроме учёных для обслуживания всего этого сложного хозяйства нужны и техники, и кондиционерщики, и электрики, и компьютерщики... И так далее. И всем нужно платить.

С другой стороны, мы не можем не прислушаться к мнению специалиста, – Назаров кивнул Эрику. Тот кивнул в ответ, – Если каждый шар-секция и правда – абсолютно автономен, нам нужно выбрать: во-первых, наименее повреждённый. И во-вторых, всё-таки, такой, чтоб риск заражения был поменьше.

И тут в дело вступаете вы, доктор Валкес, и вы, доктор Хейдигер.

Когда мы со штурманом осуществим стыковку с подходящим на наш взгляд шаром, на вас ляжет обязанность взять пробу из отверстия, которое мы пробуруем или прорежем в корпусе сферы-секции. Исследовать её. И рекомендовать нам наши дальнейшие действия.

И если в пробе будут иметься опасные микроорганизмы, с которыми нашими крайне сейчас скудными средствами не справиться, или какие-то биореагенты, предположительно влияющие на гены живых существ, нам придётся просто... Перебраться на следующий шар-секцию. И исследовать его внутреннюю атмосферу. И так далее. Но!

Не дольше шести дней. Столько наша многострадальная корма продержится.

– Не скажу, командир, что мы в восторге... Да и в открытом космосе мы с коллегой... э-э... Скажем так: работали крайне редко. Но мы понимаем всю сложность ситуации. И постараемся оправдать ваши надежды. – Эрик коротко глянул на Джонотана. Тот скривился, словно задел языком за обнажённый нерв в больном зубе, но промолчал, – Тем более, что от оперативности работы и достоверности анализов зависят и наши жизни!

По мере того, как выбранная для первого обследования сфера-шар надвигалась на спасательный модуль, становилось заметно, что она на самом деле – поистине чудовищных размеров. Серовато-стальная поверхность не отблёскивала, как это было бы, будь она новой, в свете носовых прожекторов модуля, а казалась шершаво-матовой. Назаров уже объяснил бурильщикам и учёным, что вызвано это, скорее всего, работой потоков молекулярного водорода, и мелкой пыли, встречавшихся в виде облаков даже в абсолютно пустых пространствах между галактиками.

Зато порадовало то, что почти нигде на наружных шарах, расположенных по внешнему периметру Станции, практически не имелось проломов, вмятин, и дыр. Следовательно, метеоритов тут практически нет, и все разрушения, которые нанёс взрыв, или взрывы тем шарам, что располагались ближе к центру и середине сооружения, периметра не коснулись. Приняли внутренние сферы, стало быть, весь удар на себя, закрыв своими корпусами остальные лаборатории. Пусть их при этом и разорвало и перекорёжило...

Но вот уже чужая Станция оказалась настолько близко, что шары справа, слева, снизу и сверху скрылись из виду – слишком маленьким был панорамный иллюминатор пилотской кабины. Кто-то из бурильщиков вздохнул: «Ну и здоровая, зар-раза! Просто обалдеть!».

Всё верно – масштабы хоть и разрушенного, но от этого не менее колоссального сооружения, подавляли. Олегу, ещё в Учебном довольно усердно изучавшему историю космонав-

тики и кораблестроения, казалось, что их крохотный модуль приближается сейчас к одной из тех гигантских Станций, которые строили на заре освоения околоземного пространства – тех, где искусственное тяготение создавали ещё за счёт вращения чудовищно громадного колеса из жилых и исследовательских модулей. Но здесь «вращения» явно не требовалось. Следовательно, строителям были известны гравитаторы.

Все спасшиеся с «Дональда» всё ещё находились в отсеке управления, поскольку Назаров посчитал разумным, чтоб все «прониклись» соответствующим настроением. И увидели и изучили запутанный лабиринт из гроздьев шаров и переплетения труб-тоннелей сами, так сказать – воочию. Он считал, и не без оснований, что только так можно дать людям проникнуться нужным настроением. И осознать масштабы стоящей перед ними задачи.

Первым в затылке почесал Анджей Полонски:

– Послушайте, командир! Да ведь каждый отдельный «шарик» – просто гигантский! Метров сто?

– Нет, Анджей. Диаметр каждой сферы – восемьдесят девять метров. Масса – чуть меньше двух тысяч тонн. Примерный внутренний объём – под сто тысяч кубических метров. Станция производит впечатление построенного действительно капитально сооружения. И рассчитана явно даже не на десятилетия, а на века. Солидная и наверняка прекрасно продуманная и добросовестно построенная конструкция. И автономные, изолированные, блоки-сферы наверняка имеют отличную защиту. И броню.

– Но зачем им *настолько* большие лаборатории?

– Ну, размеры, естественно, обусловлены спецификой. Собственно, доктор Валкес уже объяснял нам. Для нормальной работы профессионально организованной научно-исследовательской лаборатории в космосе нужна в первую очередь – энергия. Причём – независимый источник. Следовательно – миниреактор. Со всеми соответствующими обслуживающими агрегатами: то есть, генератор, конденсор, насосы, система паро- и водопроводных труб. Далее – гравитаторы. Оранжерея для выращивания свежих овощей-фруктов. Система кондиционирования воздуха. Канализация, водоснабжение. Ну, и плюс жилые каюты. И, конечно, помещения для собственно – работы. Отделённые от остального пространства такого шара надёжной системой переборок и шлюзов.

– Вы так уверенно говорите, командир, как будто уже побывали внутри.

– Нет, разумеется. Но в одном я железобетонно уверен: все корабли или сооружения для человекообразных существ должны быть устроены примерно одинаково. По типовой, так сказать, схеме. Она применялась и на «Дональде». И, если вспомните, собственно жилое пространство занимало там чертовски мало места. По сравнению с агрегатами для обеспечения функционирования внутреннего хозяйства. Здесь-то, конечно, будет немного по-другому. Потому что у них не было маршевых двигателей и преобразователей Вайля! А, следовательно, и машинного отсека, и цистерн с топливом. И лобовой брони.

– Ладно, с этим понятно. Но почему вы так уверены, что существа были – именно «чело-векообразные»?

Командир помолчал, поскольку в этот момент они со штурманом производили тонкие и сложные манипуляции с джойстиком управления. Затем всё же ответил:

– Это как раз никаких сомнений не вызывает. Вот, взгляните сами, – он ткнул пальцем в начавший уходить влево огромный шар, на поверхности которого сейчас, когда до него оставалось не больше двадцати метров, видна была каждая заклёпка и шов, – Отверстие входного шлюза рассчитано на существ не выше обычного человека. А конкретно – два метра на три четверти метра. А для причаливания ракет и транспортных челноков – вот. Стыковочный узел с кессоном. Практически такой же, как имелся на «Дональде». И даже рукоятки затворов сделаны словно под руку в перчатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.